

Мое первое знакомство с Федором Михайловичем началось в 1876-м году — Феврале или Марте²; они жили на Лиговке, около Греческой церкви.³ Я видела только его, а Анну Григорьевну и старших детей не видала, они были больны какой-то детской болезнью, кажется, скарлатиной.⁴ Папа подвел меня к Дяде,⁵ он был очень мил, разговорчив, прежде всего сделал мне род экзамена, — принес французскую книгу и дал прочесть несколько строк. Признать, это меня немного удивило, — что мне, гимназистке, кончившей курс с золотой медалью, делают смотр; и еще не на каких-либо других предметах, а именно из французского языка. Но потом, вспоминая этот визит, я поняла, что он был прав, — в этом экзамене⁶ он хотел уяснить себе степень моей образованности и культуры. Папа, видимо, гордился своей дочкой, а Дядя остался очень доволен. Потом они вдвоем долго разговаривали о своей жизни и говорили сердечно и душевно, а мне <с. 1> отраднo было слушать их, так как я чувствовала, что оба они были высоко культурны. Дядя говорил: «Ты счастлив, брат. А мне уже не придется дожить до взрослых детей». В это время в комнату вошел младший сын его Леша;⁷ мне он показался довольно высоким мальчиком, в тулупчике и в шапке⁸ он отправлялся на прогулку и по обыкновению подошел к своему Папе, прося у него пяточок на сласти. Дядя с любовью дал ему деньги, прибавляя: «Ах, Леша, Леша, ты меня совсем разоришь». У мальчика была большая шишка на лбу, и это его портило. Кажется, с этой шишкой он и родился, не она ли была причиной его смерти?^{9, 10}

Потом я помню Дядю, когда я приезжала уже будучи замужем и с мужем к нему на Кузнечный.¹¹ Нас встретила Анна Григорьевна. (Кстати, мы никогда и никто в семье не звали ее Тетей). Как всегда жизнерадостная, любезная, говорливая. <с. 2> В Гостиной на столе стояли сервиз для курения и лампа Дрезденского фарфора. Я часто потом видела этот сервиз у них на бархатной скатерти на столе перед диваном. В углу перед образом горела лампадка.¹² Дядя был в своем кабинете и покашливал. Потом, тихой походкой, полусгорбленный, с бледным усталым лицом, неся стакан чаю в руке (как теперь вижу я его) пришел в гостиную, поздоровался и сел в кресло, рядом с Анной Григорьевной. Начался разговор, не помню о чем; но дядя был нервен, его видимо беспокоил насморк Анны Григорьевны, и он несколько раз обращался к ней: «Анна Григорьевна, утри нос». — «Ах, Федор Михайлович, но что ж я буду делать, у меня такой сильный насморк» — и продолжала болтать. — «Анна

Гр<игорьевна>, утри нос<>>, — еще <с. 3> раз напомнил он ей, перебивая ее болтовню.¹³

В этот, кажется, приезд наш, зашел разговор о покупке имения. Они хотели где-нибудь купить имение, и, зная, что мой муж из Тамбов<ской> губер<нии>,¹⁴ спрашивали его про цену и про возможность купить там имение. (Помню, какую взбучу это подняло среди наших Шацких землевладельцев¹⁵ и деятелей Земства, только и толку было об этом.)¹⁶ <<>Нам предлагает ее брат, — сказал Фед<ор> Мих<айлович>, указывая на свою жену, — имение в Курской губ<ернии>.¹⁷ Но какая же это Россия; я хочу в самом центре России,¹⁸ что<бы> были березы, а там растет дуб. А я люблю березу и чернолесье. Что может быть лучше первых клейких березовых листочков<!>>¹⁹

В Октябре было день рождения Фед<ора> Мих<айловича>, 28<-го>²⁰ мы с сестрой²¹ поехали поздравить его. Сестра в эту осень была за границей <с. 4> с мужем,²² были в Париже. Дядя заметил, что на ней была старая шляпа, и он стал ей пенять за это. Это было, кажет<ся> в 79 г.²³ Да, они были на выставке в Париже.^{24, 25} «Как же это быть в Париже и не купить себе новой шляпы, ведь это непростительно<>>. Но вслед за тем он наговорил ей комплиментов насчет ее материнства, у ней уже было 3 ребенка,²⁶ говорил, какая красота и гордость для женщины иметь столько детей. «Ведь дорогу нужно давать таким матерям: „Пустите, пустите меня вперед, дайте дорогу, я—мать 5 детей“<>>. (Так и оказалось потом.)²⁷

Еще помню, я была у него с мужем, которого он очень полюбил, обласкал, подарил свою фотографическую карточку, сам же ее подписал,²⁸ и это тем более было трогательно, что с чужими он бывал и нелюбезен и нелюдим. Да еще бы:²⁹ раз он был муж его племянницы, этого было достаточно, чтоб он полюбил его. Меня он долго рассматривал, потом <с. 5> подвел к окну, чтобы лучше рассмотреть. «Как я рад, что в нашей семье оказалась такая красавица<>>. Увидя же, что я была в этом положении, он наставительно сказал: «Вы будете молодка. Вы знаете, что значит молодка? Это значит, что у Вас будет первый ребенок мальчик<>>.³⁰ — Так и сбылось. Он, по обыкновению, проводил нас в переднюю, долго, еще долго говорил (об чем он говорил?<>).³¹ Мы все и Анн<а> Григ<орьевна> стояли и слушали, а он, все более и более увлекаясь, брал за пуговицу пальто³² и говорил. О чем? Что-то не обыденное, скорее поучение, что-то философское, и все более увлекался.

По поводу же имени этого нашего первого ребенка — сына, которого мы назвали Андреем, — он нас пожурил: «Не Андреем он должен был называться, а Константином, в <с. 6> честь отца мужа. В русском быту так это ведется<>>. — <<>Но, дядя, —

возражала я, — ведь его отец умер,³³ а мы дали имя в честь моего отца, который жив». Он только ласково улыбнулся, но не уступил.³⁴

Потом я помню, дядя был у нас на В<асильевском> О<строве>,³⁵ когда мне был девятый день после родов;³⁶ я была очень тронута его вниман<ием>. Подняться ко мне, родильнице, на 9-й день³⁷ и в 3-й этаж, с его легкими, когда он не всегда и выходил, а это было 9 Февраля 1879 года. Придя ко мне, он сел в ногах у меня на кровать, сказал, что у меня вид хороший, что уже есть краски на лице. Потом муж увел его в кабинет, и вот какая сцена произошла там. Нужно сказать, что при рождении наш мальчик заболел очень серьезной редкой детской болезнью Melena.³⁸ От нее выживает 1 на 1 т<ысячу>. Но наш малюток выжил; мы обратились тогда к очень опытному врачу Чошину,³⁹ который <с. 7> был в приюте принца Ольденбургского.⁴⁰ Тот же врач пользовал и Лешу Достоевск<ого>, но неудачно. Когда у Леша началось его воспаление мозга и родители бросились к нему, он сказал <<>я сейчас приеду<>>, но приехал не так скоро, а когда позвонил, то мать, выйдя ему навстречу в слезах, сказала, что Леша скончался. — <<>Ах, как жаль, ведь лед было бы ему нужно положить на голову, как это я не догадался сказать Вам это».⁴¹

Так вот, встреча<сь> с Чошиным в первый раз после этого у нас в кабинете, Дядя вдруг нахмурился, сел в кресло и ни слова не проронил. Чошин же скоро и уехал. Муж, придя ко мне после ухода гостей, все это и рассказал. Значит, Ф<едор> .М<ихайлович> передал это все сам моему мужу. <с. 8>

Примечания

Автор воспоминаний, Варвара Андреевна Савостьянова (урожд. Достоевская, 12 апр. 1858 – 1835) — племянница Ф. М. Достоевская, дочь его младшего брата А. М. Достоевского (о нем см. ниже). С 27 сентября 1876 г. за мужем за Владимиром Константиновичем Савостьяновым (1853–1899). Публикуемые мемуары написаны в период 1927–1930 гг. В эти годы младший брат мемуаристки Ан. А. Достоевский (1863–1933) готовил к печати воспоминания их отца А. М. Достоевского (вышли в свет в апреле 1930 г. в Издательстве писателей в Ленинграде). Помощь, которую В. А. Савостьянова оказывала ему в этой работе, стала стимулом к написанию ею своих собственных мемуаров. Наряду с публикуемым текстом о встречах с Ф. М. Достоевском, ее написаны воспоминания о своей тетке, сестре писателя, Варваре Михайловне Карепиной (урожд. Достоевской), о муже, В. К. Савостьянове, и его семье. Рукопись мемуаров В. А. Савостьяновой (шесть самодельных тетрадей) хранится в РО

ИРЛИ (Ф. 56. Оп. 6), куда была передана ее дочерью М. В. Савостьяновой. Воспоминания о Ф. М. Достоевском существуют в двух вариантах, различающихся между собою некоторыми деталями (тетради № 1 и № 2). Вариант из тетради № 1 публиковался дважды: 1) Советская культура. 1980. 26 ноября (в сокращении, под названием «Достоевский в кругу родных»); 2) Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. С. В. Белова. СПб., 1993 (под названием «Воспоминания о встречах со своим дядей Ф. М. Достоевским»). В втором случае в публикациях имели место некоторые незначительные сокращения и вставки из варианта, содержащегося в тетради № 2. В настоящей публикации впервые воспроизводится текст из тетради № 2. Важнейшие различия с вариантом из тетради № 1 отмечаются в примечаниях. Орфография и пунктуация подлинника минимально приближены к современным нормам.

¹ *В дополнение к Воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской...* — Имеется в виду издание: Воспоминания А. Г. Достоевской / Под ред. Л. П. Гроссмана. М.; Л., 1925. Однако идентификация страниц, к которым отсылает это условное название мемуарного текста В. А. Савостьяновой, вызывает определенное затруднение. В автографе определенно читается: «стр. 16». Но в указанном издании эта страница находится внутри вступительной статьи Л. П. Гроссмана «А. Г. Достоевская и ее Воспоминания» (С. 7-18), и речь на ней идет о личных встречах публикатора с женой писателя в 1916–1917 гг. Не позволяет отсылка к «стр. 16» соотнести ее и с какой-либо из предварительных публикаций фрагментов мемуаров А. Г. Достоевской, которые появлялись в печати начиная с 1922 г. (их перечень см.: Ф. М. Достоевский: Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917–1965. М., 1968. С. 92). В такой ситуации единственно приемлемым представляется допущение, что в автографе имеет место описка и должно читать: «стр. 216». При такой конъектуре надпись отсылает к главе III «Зима 1876 г. Знакомства» книги седьмой «1876–1879» в публикации «Воспоминаний» А. Г. Достоевской 1925 г. (С. 214-217). *Хронологически* эта глава точно соответствует первым страницам мемуарного текста В. А. Савостьяновой, начинающегося словами: «Мое первое знакомство с Федором Михайловичем **началось в 1876-м году...**» *Тематически* воспоминания племянницы писателя также перекликаются с изложением в этой главе А. Г. Достоевской вкусовых предпочтений мужа в отношении женских нарядов. Особенно близок находящийся именно на 216 с. пассаж: «Скажу, кстати, что муж всегда был чрезвычайно доволен,

когда видел меня в красивом платье или в красивой шляпе. <...> ...как бывал доволен и счастлив мой дорогой муж, когда ему случалось и даже иногда против моего желания купить или привезти мне из-за границы какую-нибудь красивую вещь» — следующему месту воспоминаний В. А. Савостьяновой: «...сестра в эту осень была за границей с мужем, были в Париже. Дядя заметил, что на ней была старая шляпа, и он стал ей пенять за это. <...> „Как же это быть в Париже и не купить себе новой шляпы, ведь это непростительно!“». Данная конъектура предлагается гипотетически.

^{2.} ...в 1876 году — Феврале или Марте... — В публикации С. В. Белова дата воспроизведена как 1875 год. Однако в рукописи из тетради № 1 первоначальное написание «1875» вполне определенно переправлено на «1876». Реальная дата встречи — конец декабря 1875 – начало января 1876 г., когда Андрей Михайлович Достоевский с женой Домникой Ивановной и младшими детьми гостил в Петербурге у недавно вышедшей замуж старшей дочери Евгении. О том, что встреча не могла произойти в начале 1875 г. свидетельствует переписка Ф. М. Достоевского с младшим братом, где они в конце 1875 г. (письма от 1 и 10 декабря) пишут друг другу о том, что не виделись уже несколько лет (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. С. 66 — далее *ПСС*). В этой же переписке упоминается о намерении А. М. Достоевского приехать «с супругою на праздники (Рождественские. — Б. Т.) в Петербург» (Там же. С. 67). К этому же времени относится и упоминание мемуаристки о болезни детей писателя скарлатиной (см. примеч. 4).

^{3.} ...они жили на Лиговке, около Греческой церкви. — С сентября 1875 по май 1878 г. Достоевские жили по адресу: Греческий проспект, дом отставного поручика, купца 2-й гильдии А. П. Струбинского, № 6/14, кв. 6, в третьем этаже (соврем. адрес: Греческий просп. № 6, угол 5-й Советской улицы, № 6). «Домик очень невзрачный, грязный, ход, помнится, был со двора и по лестнице, которая далеко не могла похвастаться чистотой», — свидетельствует мемуарист Н. Пружанский (Н. О. Линовский) (Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях... С. 229). В непосредственной близости от дома Достоевских находилась церковь св. великомученика Димитрия Солунского, построенная по инициативе греческой диаспоры в Петербурге и относившаяся к греческому посольству. Была заложена в 1861, освящена в 1865–1866 гг. Закрыта в 1838 г., снесена в 1961 в связи с постройкой на этом месте Большого концертного зала «Октябрьский» (соврем. адрес: Лиговский просп., № 6).

^{4.} ...а Анну Григорьевну и старших детей не видела, они были больны какой-то детской болезнью, кажется скарлатиной. — 2 января 1876 г. Достоевский писал Н. П. Вагнеру:

«В доме у меня до сих пор плохо. Болен Федя (старший сын. — *Б. Т.*) скарлатиной с тифом вот уже 4 недели, а теперь ему опять хуже. <...> За другого же ребенка (за Лиллю) я не беспокоюсь: скарлатина была из очень легких. Анна Григорьевна теперь почти здорова, но страшно устала и расстроена нервами...» (*ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 70). Вс. С. Соловьев, вспоминая об этом времени писал, что в декабре 1875 г. у Достоевского «заболели дети скарлатиной, и во все продолжение шестинедельного карантина я не мог с ним видаться, опасаясь за своего ребенка» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 218). В письме Н. П. Вагнеру от 7 января 1876 г. Достоевский, сообщая о том, что Федя пошел на поправку, добавляет: «Что же до девочки, то она давно уже ходит и играет по всем комнатам» (*ПСС*. Т. 29, кн. 1. С. 71). Скорее всего, визит А. М. Достоевского с дочерью состоялся ранее этой даты.

^{5.} *Папа подвел меня к дяде...* — Андрей Михайлович Достоевский (1825–1897) — младший брат писателя. Закончил в 1848 г. Строительное училище в Петербурге. В 1849 г., во время арестов участников кружка петрашевцев, был ошибочно задержан вместо своего старшего брата М. М. Достоевского, но через две недели освобожден. С 1849 г. работал городским архитектором в Елизаветграде, Симферополе, Екатеринославе. С 1865 по 1890 г. губернский архитектор в Ярославле. Оставил содержательные мемуары, которые содержат ценные сведения о родителях, братьях и сестрах, детстве и юности Ф. М. Достоевского (см.: *Достоевский А. М.* Воспоминания. СПб., 1993).

^{6.} *...поняла, что он был прав, — в этом экзамене...* — В публикации С. В. Белова слова: «он был прав» — отсутствуют.

^{7.} *...в комнату вошел младший сын его Леша...* — Аберрация памяти мемуаристки: Алеша Достоевский родился в Старой Руссе 12 августа 1875 г. Во время этого визита ему не было еще и пяти месяцев. Поскольку следующие свои визиты к Достоевским В. А. Савостьянова приурочивает ко времени, когда они уже жили в Кузнечном переулке (с октября 1878 г.), скорее всего Алеша, умершего в 3-летнем возрасте в мае 1878 г., мемуаристка вообще ни разу не видела. Также см. след. примеч.

^{8.} *...высоким мальчиком, в тулупчике и шапке...* — По-видимому, на этот эпизод наложились впечатления от более позднего посещения Достоевских. Ср. в воспоминаниях А. Г. Достоевской: «...я прослышала, что торговцы в рядах (в Старой Руссе. — *Б. Т.*) получили с Нижегородской ярмарки партию нагольных полушубков для взрослых и детей, и как-то сказала об этом мужу. Он очень заинтересовался, сказал, что сам когда-то ходил в нагольном тулупчике, и захотел купить такой же для нашего Феде.

<...> Мы выбрали несколько и просили прислать на дом для примерки. Один из них, светло-желтый, с очень нарядной вышивкой на груди и полах, чрезвычайно понравился Федору Михайловичу и пришелся как раз по фигуре нашего сына: в высокой кучерской шапке, одетый в тулуп и подпоясанный красным кушаком, наш толстый, румяный мальчик выглядел совершенным красавцем (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 290-291).

⁹ ...у мальчика была большая шишка на лбу, и это его портило. Кажется, с этой шишкой он и родился, не она ли была причиной его смерти? — Ср. в воспоминаниях сестры Алеши Достоевского: «Маленький Алексей казался крепким и здоровым ребенком, но у него был странный, овальный, почти угловатый лоб; маленькая головка была яйцевидной формы. <...> Врачи объяснили моим родителям, что маленький Алексей стал жертвой неправильного развития лобной доли черепа, в маленьком патологическом черепе не было места для роста мозга» (*Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 138). Поскольку воспоминания В. А. Савостьяновой вышли в свет после публикации мемуаров дочери Достоевского, можно предположить, что в комментируемых строках отразились не столько личные впечатления, сколько приведенное свидетельство Л. Ф. Достоевской о брате. См. также примеч. 7.

¹⁰ В варианте из тетради № 1 далее следует текст: «Еще многое они говорили дружно, по-братски, и мне, сидя с ними, так было отраднo слышать их родственную беседу — это чувствовалось особенно потому, что они были наедине и изливали свою душу, особенно дядя, в своих мечтах, переживаниях; эта-то задушевность и трогала так, особенно меня, — я в первый раз была при свидании двух братьев, которых соединяла и любовь, и единокровие, уважение, которые высказывал мой папа к своему любимому и старшему брату. И всегда он к нему относился так любовно и с уважением; всегда восторгался его романами, читал их, ходя по комнатам (у нас не было закрытых дверей), и вот из гостиной в залу к окнам и опять к своему столу мирно ходил папа и читал; а когда подросток Саша, будучи гимназистом, кончающим курс, и особенно заряженный отрицанием и либерализмом, стал было спорить с папой о достоинствах нового романа, кажется, это были „Бесы“, — Боже мой, как волновался и горячился папа! Как яростно он защищал своего брата от нападков молодежи, и видимо, долго он помнил этот разговор и горько было ему то, что его сын так непочтительно и грубо отзывается об авторе; брат Саша откуда-то взял, да вряд ли он и сам прочел весь роман, что автор был поклонником (он выразился хуже — „рабом“) Каткова». — Примечания: а.

...подросток Саша... — старший брат мемуаристки, Александр Андреевич Достоевский (1857–1894). С 1876 г., будучи студентом петербургской Медико-хирургической академии, часто посещал семью Достоевских; в дальнейшем доктор медицины, автор печатных научных трудов; б. ...он выразился хуже — «рабом» Каткова. — Роман «Бесы» (так же, как и «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») были напечатаны в московском журнале М. Н. Каткова «Русский вестник».

^{11.} ...к нему на Кузнечный. — Достоевские поселились в доме Р. Г. Клинокострем в Кузнечном пер. (№ 5/2, кв. 10) 5 октября 1878 г. Подробнее см.: Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди. СПб., 2012.

^{12.} В гостиной на столе ~ В углу перед образами горела лампадка. — В рукописи воспоминаний В. А. Савостьянова схематично зарисовала гостиную, смежную с кабинетом писателя. При разработке музейной экспозиции мемориальной квартиры Достоевских уголок гостиной был воссоздан в соответствии с рисунком и описанием мемуаристки. Однако, судя по ее рисунку, проход из столовой в гостиную находился дальше от внешней стены, чем это было сделано при реконструкции помещения в период создания музея. В северо-восточном углу гостиной, примыкающем к внешней стене, как указано на рисунке, находился иконостас («образа»). В современной экспозиции эта деталь отсутствует.

^{13.} В публикации С. В. Белова текст: «...но дядя был нервен ~ перебивая ее болтовню» — отсутствует.

^{14.} ...муж мой из Тамбовской губернии... — По-видимому, В. К. Савостьянов служил в Тамбовской губернии (см. также примеч. 16). Однако по деду он имел петербургские корни, а по отцу московские. Потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии Иван Михайлович Савостьянов (1780–1850) имел в 1830–1840-е гг. в Петербурге, на Гороховой, собственный трехэтажный каменный дом (соврем. № 40). Его сын Константин Иванович Савостьянов (1805–1871), выпускник Московского университета, в молодости, в 1829 г., встречался на Кавказе с Пушкиным (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 385). Брат мемуаристки, А. А. Достоевский, подготовил в XXVII сборнике «Пушкин и его современники: Материалы и исследования» (Л., 1928) публикацию «Рассказ К. И. Савостьянова о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 годах».

^{15.} ...какую взбучу это подняло среди Шацких землевладельцев... — После свадьбы осенью 1876 г. Савостьяновы поселились в деревне Батьки Шацкого уезда Тамбовской губ. (ныне Рязанская обл.). Планы покупки Достоевскими имения в Шацком уезде

обсуждались вплоть до последних дней жизни писателя. В письме А. Г. Достоевской из Шацка от 15 января 1881 г. В. К. Савостьянов писал: «...Я все поджидал известий о том имени, про которое говорил вам, поэтому и не писал вам до сих пор. Купец Емельянов, продавец имения, видя возрастающую ценность земли, с двадцати тысяч, которые он просил летом, просит теперь тридцать пять тысяч, и, вероятно, ему дадут эту цену, если не теперь, то через год <...>. Но у меня есть в виду отличное имение для вас <...>. Я очень рад был бы услужить вам. Да и весь Шацкий уезд с восторгом думает о возможности считать Федора Михайловича своим...» (Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 527. (Лит. наследство. Т. 86)).

¹⁶ В публикации С. В. Белова текста: «(Помню, какую взбучу ~ только и толку было об этом)» — нет.

¹⁷ *Нам предлагает ее брат ~ имение в Курской губ<ернии>.* — Имеется в виду шурин писателя Иван Григорьевич Сниткин (1849–1887). В середине 1870-х гг. И. Г. Сниткин владел имением Малый Прикол в Курской губернии. В 1877 г. Достоевский гостил у своего шурина в Малом Приколе с 22 мая по 3 июля.

¹⁸ *Я хочу в самом центре России...* — Применительно к последним месяцам жизни писателя А. Г. Достоевская писала о намерении мужа купить имение в Подмосковье (см.: *Достоевская А. Г.* Записная книжка 1881 г. // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях... С. 281).

¹⁹ *Что может быть лучше первых клейких березовых листочков!*» — Ср. образ «клейких, распускающихся весной листочков» в монологе Ивана в «Братьях Карамазовых», восходящий к стихотворению Пушкина «Еще дуют холодные ветры...», которое Достоевский не однажды читал на литературных вечерах («Скоро ль у кудрявой у березы / Распустятся клейкие листочки...»). В монологе Ивана Карамазова, как показал С. Г. Бочаров, эти «клейкие листочки» — «непосредственно убедительный образ жизни, которая дорога, „несмотря ни на что“, и которую любишь „вопреки логике“, „нутром“ и „чревом“» (Бочаров С. Г. Кубок жизни и клейкие листочки. (Два воспоминания из Пушкина в «Братьях Карамазовых» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 212).

²⁰ *В Октябре было день рождения Фед<ора> Мих<айловича>, 28<-го>...* — Достоевский родился 30 октября 1821 г. (по старому стилю) / 11 ноября (по новому). 28-е число — это, видимо, дата визита, но, возможно, что мемуаристка неверно перевела дату с нового стиля на старый.

²¹ *Мы с сестрой...* — Евгения Андреевна Достоевская (по мужу Рыкачева, 1853–1919).

22. *...была за границей с мужем...* — Имеется в виду Михаил Александрович Рыкачев (1840–1919) — известный русский метеоролог, доктор физики *honoris causa*, с 1868 г. помощник директора петербургской Главной физической обсерватории (с 1899 ее директор), одновременно с 1876 г. заведующий Отделением морской метеорологии, телеграфных сообщений о погоде и штормовых предостережений, в дальнейшем ординарный академик Академии наук (1900).
23. *Это было кажет<ся> в 79 г.* — Неверно, ряд деталей (см. далее) свидетельствует, что описываемый эпизод имел место в 1878 г.
24. *...на выставке в Париже.* — Имеется в виду Всемирная выставка сельскохозяйственных и промышленных товаров и предметов изящных искусств, проходившая в Париже с 1 мая по 31 октября 1878 г. В 1870-е гг. иных Всемирных выставок в Париже не проводилось (предшествующая проходила в 1867 г., следующая — в 1889 г.).
25. В публикации С. В. Белова текста: «Это было, кажется в 79 г. ~ выставки в Париже» — нет.
26. *...у нее уже было 3 ребенка...* — Еще одна деталь, свидетельствующая, что эпизод происходил в октябре 1878 г. Старшая дочь Рыкачевых Александра родилась 25 мая 1875 г., затем родились сыновья: Андрей (2 ноября 1876) и Владимир (в августе 1877). 8 сентября 1879 г. — почти за два месяца до дня рождения Достоевского — в семье Рыкачевых родился четвертый ребенок, дочь Домника.
27. *Так и оказалось потом.)* — Последний, пятый ребенок, сын Михаил, родился у Рыкачевых уже после смерти Достоевского, во второй половине 1881 г.
28. *...подарил свою фотографическую карточку, сам же ее подписал...* — Фотография Ф. М. Достоевского работы петербургского фотографа К. А. Шапиро с дарственной надписью: «Владимиру Константиновичу Савостьянову от любящего его Ф. Достоевского» — хранится в Государственном литературном музее (№ 1130 / 34880). Ее воспроизведение см.: Лит. наследство. Т. 86. С. 468; также см.: Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре. Альбом. СПб.: «Кузнечный переулок», 2009. С. 194.
29. В публикации С. В. Белова слов: «да еще бы» — нет.
30. *Увидя же, что я была в этом положении ~ первый ребенок мальчик<>>.* — Мемуаристка ошибочно соединяет два посещения квартиры Достоевских. Фотография Шапиро была сделана в марте 1879 г. (ее воспроизведение в альбоме «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов» (Вып. 1. СПб., 1880) было

сопровождено факсимиле подписи писателя с датой: «29 март /79»). Первый ребенок, сын Андрей, родился у Савостьяновых 1 февраля 1879 г. (см. примеч. 36). Таким образом, фотография была подарена Достоевским В. К. Савостьянову не *до*, а *после* рождения ребенка. Возможно, приведенный разговор писателя с племянницей имел место в октябре 1878 г., когда она, на шестом месяце беременности, была в гостях у дяди вместе с сестрой (и он не сразу рассмотрел, что она «в таком положении»).

^{31.} В публикации С. В. Белова слов: «(об чем он говорил?<)>» — нет.

^{32.} *...брал за пуговицу пальто...* — излюбленный жест Достоевского во время бесед, отмеченный несколькими мемуаристами. Ср. в воспоминаниях о Достоевском еще одной его племянницы, М. А. Ивановой: «Однажды он долго беседовал с ней [Цесаревной Великой княгиней Марией Федоровной] <...>. В пылу беседы он не заметил, что все время по привычке держал свою собеседницу за пуговицу платья» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 48).

^{33.} *...его отец умер...* — К. И. Савостьянов умер в Москве 20 ноября 1871 г., похоронен на кладбище Донского монастыря (см.: [Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 63).

^{34.} *«Не Андреем он должен был называться, а Константином, в честь отца мужа ~ но не уступил.* — Вопреки категорическому требованию называть первого сына именем деда по отцовской линии (даже умершего), сам Достоевский назвал своего старшего сына, родившегося 16 июля 1871 г., не Михаилом (в честь своего отца Михаила Андреевича), а Федором — по имени деда по материнской линии — Федора Тимофеевича Нечаева. Причем в первоначальные его планы входило, если бы сын родился 15 июля, назвать его Владимиром — в честь «святого равноапостольного князя Владимира, память которого празднуется 15 июля» (см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 212).

^{35.} *...как дядя был у нас на В<асильевском> О<строве>...* — Дочь В. А. Савостьяновой, Мария Владимировна (1894–1982), называет применительно к этому эпизоду адрес родителей: Васильевский остров, 2-я линия, № 27, кв. 5 (машинопись ее комментариев к воспоминаниям матери хранится в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Петербурге). Однако в записной книжке А. Г. Достоевской конца 1870-х – начала 1880-х гг. записан иной адрес: «Вас. О-в. 16 Линия, д. 36, кв. 36» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30707. Л. 93) (впрочем, номер дома читается здесь нетвердо: возможно, «36» — это первоначальная ошибочная запись, переправленная затем на «6» или «26», но в прочтении названия улицы нет никаких сомнений). Скорее всего, родившаяся через

пятнадцать лет после описываемых событий, М. В. Савостьянова указывает более поздний адрес своих родителей.

^{36.} ...когда мне был девятый день после родов... — Именно это указание позволяет датировать рождение сына Андрея 1 февраля 1879 г. (см. примеч. 30).

^{37.} В публикации С. В. Белова слов: «на 9-й день» — нет.

^{38.} *Melena*, точнее *melaena* (лат.) — «черная болезнь» (от др.-греч. μέλαινα νόσος); синонимы: чёрная болезнь Гиппократов, дегтеобразный стул) — симптом желудочно-кишечного кровотечения.

^{39.} ...к очень опытному врачу Чошину... — Имеется в виду детский врач Григорий Александрович Чошин (1837–?).

^{40.} ...был в приюте принца Ольденбургского... — Детский приют Принца Ольденбургского располагался в доме № 34 в 12-й Роте Измайловского полка (см.: Адрес-календарь С.-Петербурга и справочная книжка на 1881 год. СПб., 1881. С. 337: «Детские приюты»). Но скорее всего, имеется в виду детская больница принца Петра Ольденбургского, находившаяся на Греческом проспекте, № 10 (Там же. С. 316: «Лечебницы для приходящих»), ныне детская больница им. К. А. Раухфуса.

^{41.} Тот же врач пользовал и Лешу Достоевского ~ я не догадался сказать вам это». — В изложении А. Г. Достоевский вина доктора Чошина представлена существенно иначе; ср.: «Я очень испугалась и тотчас пригласила всегда лечившего у нас детского доктора, Гр. А. Чошина, который жил неподалеку и немедленно пришел к нам. По-видимому, он не придавал особенного значения болезни, что-то прописал и уверил, что родимчик скоро пройдет. Но так как судороги продолжались <...> мы решили обратиться к специалисту по нервным болезням, и я отправилась к профессору Успенскому. У него был прием, и человек двадцать сидело в его зале. Он принял меня на минуту и сказал, что как только отпустит больных, то тотчас приедет к нам; прописал что-то успокоительное и велел взять подушку с кислородом, который и давать по временам дышать ребенку. <...> Около двух часов он наконец явился, осмотрел больного и сказал мне: „Не плачьте, не беспокойтесь, это скоро пройдет!“ Федор Михайлович пошел провожать доктора, вернулся страшно бледный и стал на колени у дивана, на который мы переложили малютку, чтоб было удобнее смотреть его доктору. Я тоже стала на колени рядом с мужем, хотела его спросить, что именно сказал доктор (а он, как я узнала потом, сказал Федору Михайловичу, что уже началась агония), но он знаком запретил мне говорить» (Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 341-342). В этой версии доктор Чошин появился в квартире Достоевских сразу же, как только его пригласили (он жил, действительно,

недалеко, в Орловском переулке, который фактически является продолжением Греческого проспекта), но не сумел должным образом оценить опасность жизни ребенка. О его визите в дом Достоевских после смерти Алеши здесь также не упоминается.